

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ СТРЕМЛЕНИЯ И ЦЕЛИ В ЯЗЫКАХ АНТИЧНОСТИ И В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Станислав Жажа (Брно)

Абстракт:

Статья содержит описание двух типов придаточных предложений в греческом, латинском и древнерусском языках, а именно т. наз. придаточных стремления, напр., (*cura*) *ut valeas*, и придаточных цели, напр. (*edere oportet*) *ut vivas*. Оба типа семантически близки друг к другу и часто смешивались как в речи, так и при дидактической классификации. Сравнивая их формы в античных языках, устанавливаем, что латинский язык более «дисциплинирован» в постановке союзов и в употреблении наклонений, чем более «развесистый» греческий. Древнерусский язык первоначальным количеством союзов сближался с греческим, однако устойчивостью наклонений напоминает скорее латинский. Употребление древнерусского инфинитива в придаточных цели было в основном факультативное в отличие от современного языка, где оно допустимо лишь в односубъектных конструкциях.

Ключевые слова: придаточные предложения, древнегреческий и латинский языки, древнерусский язык, стремление, цель

Abstract:

Clauses of Effort and Intent in Ancient Languages and in Old Russian

The paper contains the description of two types of dependent clauses in Greek, Latin and old Russian compound sentences, viz so-called clauses of effort, e. g. (*cura*) *ut valeas*, and final clauses, e. g. (*edere oportet*) *ut vivas*. Both types are closely related and they were often mixed both in usage, and in didactic practice. Comparing the forms of both types in each of the described languages, first of all a difference between ancient languages can be found: as to Latin, a „discipline“ in regard of the use of modes and conjunctions is characteristic, while Greek in both points can be denoted as more „patulous“. Old Russian in its beginning was nearer to Greek as to the number of conjunctions; on the contrary, as to the stability of modes, old Russian resembles rather Latin than Greek. The use of the Russian infinitive in dependent final clauses was in general facultative, while in contemporary Russian the dependent infinitive is possible only with identical subjects in main and dependent clause.

Keywords: dependent clauses, Greek, Latin, Old Russian, effort, intent

1. Исходным пунктом нашей статьи является краткий обзор критериев *классификации придаточных частей* (по традиции – придаточных предложений) сложноподчиненного предложения (СПП). Одним из этих критериев (А) является членение придаточных частей СПП на основании того, функцию какого члена *главной части* (главного предложения) СПП они выполняют. Ср., напр., ГРЯ 1960. По другому критерию (Б) придаточные части СПП делятся на (1) *изъяснительные*, (2) *относительные* и (3) *обстоятельственные*. Изъяснительные далее членятся на части, выражающие (а) *повествование* (декларативные), (б) *волеизъявление* (волитивные) или (в) *вопрос* (интеррогативные). Ср. РМР 1979, РГ 1979, Muchn 2004, Bart 2008. – Критерием классификации СПП может служить также членение СПП на предложения *нерасчлененной* и *расчлененной* структуры (В). Ср. РГ 1980, 1990. Есть и *другие* концепции (Nov 1955, Q 1972, Nied 1984).

Ни один из указанных приемов не определяет характер придаточных частей СПП вполне однозначно и последовательно: происходит скрещивание отдельных критериев. Тем не менее, в нашей статье придерживаемся в основном приема Б, обращая внимание на два типа взаимно близких конструкций в *латинском, греческом* (= *древнегреческом*) и *древнерусском* языках, а именно на придаточные части *волеизъявления* типа Б (1) и типа Б (3).

2. Придаточные части типа Б (1) поясняют глагол-предикат главной части, выражающий *стремление, усилие, намерение, заботу* – *verbum curandi*; в лат. яз. *curo, consulo, (pro)video, specto, studeo, operam do, ago, facio* и н. др., в гр. яз. – *ἐπιμελοῦμαι, φροντίζω, σκοπῶ, σπεύδω, σπουδάζω, πράττω, μέλει μοι* и н. др. и выполняют роль *дополнения* или *подлежащего* данного глагола: *Cura, ut valeas. – Spectavi semper, ut tibi possem esse coniunctus* (Cic). – *Providete, ne mali bonis imperent. – Ne solus esset/m?, studii* (Ph). *Ἐπιμελοῦμαι, ὅπως τοῦτο γενήσεται. – Ἐπρασεν ... ὅπως πόλεμος γένηται αὐτοῖς πρὸς Πελοποννησίους* (Thuc).

Придаточные части типа Б (3) информируют о *цели, назначении* того, о чем сообщается в главной части, почему и получили название *целевых (финальных)*: *Edere oportet, ut vivas, non vivere, ut edas. – Ager aratur et iteratur, ut meliores fruges ferat. – Caesar, ne diutius commeatu prohiberetur, castris idoneum locum delegit* (Cs). – *Γράφω, ἵνα ἔλθῃς. – Ταῦτ' εἰπὼν ἀνέστη, ὡς μὴ μέλλοιτο, ἀλλὰ περαίνοιτο τὰ δέοντα. – Εἰς καιρὸν ἦκεις, ὅπως τῆς δίκης ἀκούσῃς.*

О семантической близости и в то же время о различии синтаксической классификации классификации этих предложений в языках античности см. подробно Bart 2008, 46 н.; Muchn 2004, 93 н. Аналогичным является, прежде всего, процесс возникновения СПП с той или другой частью: сначала это

были два самостоятельных предложения, причем второе из них начиналось с частицы, которая впоследствии превратилась в союз.

3. Наглядным примером этого служит, в особенности, *латинский* яз.: ср. выражение стремления: *cura! ut valeas!* > *cura ut valeas*; выражение цели: *venio; ut te videam!* > *venio, ut te videam*. Те и другие придаточные положительного содержания начинаются с союза *ut* (в первых т. наз. *ut obiectivum*, в других – *ut finale*), отрицательного – с *ne* (реже – *ut ne*). В предикате тех и других – форма *coni. praes.* (после главного времени гл. части) или *impf.* (после исторического): *Philosophia nos docet/docuit, ut nosmet ipsos noscamus/nosceremus.* – *Legati veniunt/venerunt, ut pacem petant/peterent.* В процессе развития наблюдается взаимодействие обоих типов, и кажется вероятным, что они в речи не различались. Ввиду всех указанных факторов оба типа также в дидактической практике до недавнего времени считались общим типом – «придаточными *цели*» в более широком смысле.

Менее отчетлива взаимосвязь указанных типов в *греческом* яз., а именно как в отношении постановки союзов, так и в отношении употребления форм отдельных наклонений придаточной части. В результате большего числа наклонений и связанного с этим разнообразия глагольных форм в *гр.* яз., в этих придаточных встречаем большее количество связующих средств и форм предиката, чем в латинских.

В греческих придаточных стремления стало обыкновением употребление союзов *ὥς, ὅπως* с *индикативом* будущего времени, в то время как в целевых наоборот – наиболее часто используется союз *ἵνα* + *конъюнктив* или *optativus obliquus* после форм исторического времени (необязательный). Ср.

а) п. *стремления*: *Εἰ μὴν ἀνάγκη ἐστὶ μάχεσθαι, τοῦτο δεῖ παρασκευάσασθαι, ὅπως ὥς κράτιστα μαχοῦμεθα* (Xen) (*ind. fut.* после гл. врем.) – Ἐπρασεν... *ὅπως πόλεμος γένηται αὐτοῖς πρὸς Πελοποννησίους* (Xen) (*coni.* после ист. вр.); *σκοπεῖσθε μέντοι τοῦτ', ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, ὅπως μὴ λόγους ἐροῦσιν μόνον οἱ παρ' ἡμῶν πρέσβεις, ἀλλὰ καὶ ἔργον τι δεῖκνύειν ἔξουσιν* (Dem).

б) п. *цели*: *ἴπω τι κάλλο (= καὶ τι ἄλλο), ἵν' ὀργίζη πλέον;* (Soph) (*coni.* после гл. вр.) – *οὔτε χρημάτων ἔνεκα ἔπραξα ταῦτα, ἵνα πλοῦσιος ἐκ πένητος γένωμαι* (Lys).

(*coni.* после гл. вр.) – *(τὰ πλοῖα); ἐπίτηδές σε οὐκ ἤγειρον, ἵνα ὥς ἥδιστα διάγῃς* (Pl) (*coni.* после ист. вр.) – *Ἀβροκόμας κατέκαυσεν, ἵνα μὴ Κῦρος διαβῆ* (Xen) (*coni.* после ист. вр.) – *Μένων δῆλος ἦν ἐπιθυμῶν τιμᾶσθαι, ἵνα πλείω κερδαῖνοι* (Xen) (*opt. obl.* После ист. вр.).

4. Известным вариантом придаточных частей *стремления* являются конструкции с глаголами, выражающими *препятствие, помеху* (verba impediendi): *impedio te, ne/quominus scribas*; вариантом придаточных *целевых* – конструкции с глаголами, выражающими *боязнь* (verba timendi): *timeo, ne/ut pater veniat*; φοβοῦμαι, μή ὁ πατήρ (οὐκ) ἔλθῃ. Вследствие особенностей этих вариантов они находятся вне нашего внимания.

5. В древнерусском яз. СпП с придаточными *стремления* образовались во-первых в результате сочетания винительного падежа местоимения *что*, зависящего от транзитивного глагола, с формой условного наклонения, выражающей оптативное значение: *я хочу (велю) что: бы онъ узнать это; я желаю что: бы ты выздоровел*. Составной частью формы условного наклонения были формы аориста: *быхъ* в 1-ом л. *бы* во 2-ом и 3-ьем л. (ед. ч.); ср. Мз-Рор 1984, 99. Сочетание *что бы* постепенно начало употребляться и после интранзитивных глаголов, и впоследствии оно превратилось в союз, как это видно по следующим примерам: *По тому бы есте и сами деяли и инымъ бы есте всемъ заказывали, что бы по тому ходили* (Кипр м посл пск дух д 1395 г) – *А Псковичи ему много биша челомъ, что бы ся осталъ, и онъ поеха въ Литву, а Псковского челобитья не приять*. (Псков 1) – *Биша челомъ ... вѣдже Алексею, что бы еси, гне, елься ехати к великому князю* (Новг гр 1588 г) – *Дали есмя жаловалные грамоты Роускимъ митрополитомъ..., тако молвячи. что бѣ есте и последнии цари по тому жь поути пожаловали поповъ и чернцовъ*. (Ярл Менг Тим 1267 г) – *Просимъ вашей милости, шитобы есте учинили иньи листъ*. (Грам Молд воев Петр 1388 г).

В первом и, пожалуй, еще во втором примере можно сегмент *бы* в сочетании *что бы* понимать еще как аорист, в то время как в последующих примерах наличие еще других форм в придаточной части (*еси, есте*) приводит к толкованию *что бы* как союза.

6. Аналогичен и процесс развития придаточных частей *целевых*: союз *чтобы* был вовлечен в целевую семантику из функции модально-изъяснительной (напр. *Я желаю что: бы ты выздоровел*, см. выше); ср. *А пишу вамъ се слово того дея, что бы не перестала память родителли нашихъ и наша* (Грам 14 в). – *да переслешиваи. о таныи цобѣ не блodiла цого зря* (НБГ 14–15 в) – *како осподи. (осподине – В. Б.) пожалуешь о м . . . (моеи – В. Б.) голови. чтобы ся на меня . не родила грамота бесудная* (НБГ 15).

Оба типа придаточных частей СпП – *стремления* и *цели* – с союзом *чтобы* как нейтральным основным средством связи встречаются и в современном русском языке.

7. Однако в древнерусском языке имелись еще и другие средства выражения указанных двух семантических категорий – *стремления* и *цели*. Такими являются:

СПП, в придаточной части которого находится глагол в форме 2-го л. императива: *...И отдадутъ тому господину назадъ въ слуги: не бей челомъ и не затевай на господина своего ложно.* (Котош) – *А кого не сыщутъ, и на такихъ беглыхъ людей емлютъ иныхъ людей, да на нихъ же положена пеня великая, для того: отпущай на службу добрыхъ людей верныхъ...* (Котош)

Частица **да**, состоящая частью 3-го л. императива, может переноситься в придаточное с формой 2-го л. индикатива: *Молю тя прилежно, да пойдеши со мною въ домъ мой пользы ради града сего...* (Рус драм произв) – *...патриархъ Московский и бояре...приказываютъ и твоего благородия просятъ и молятъ, да сотвориши полезная намъ, и дашь сына своего на Московское государство* (Пов кн Ив Мих – там же). Поскольку она отрывалась от формы 3-го л. глагола, она становилась, таким образом, союзом цели: *Посли ми, боже, помощника вскоре, да мя проводитъ стезями на поле!* (Рус драм произв) – *И повеле царя Бориса жену и сына казнить и злой смерти предать, а дщерь его повелелъ до себя блюсти, да насладится красоты ея* (РИБ).

8. Усилительная частица **да** могла сочетаться и с формой *кондиционала*. В результате слияния этой частицы с частицей **бы** – первоначальным аористом – возникает союз **дабы**: *се оуже третье наведе поганя на землю Русьскую его же греха дабы бг простилъ* (Лавр). – *По околнымъ же селомъ и волостемъ тако же посылаше, дабы кождо в свои приближные города ехали з женами и з детьми и со всеми животы по осаду.* (Повесть о прихож). Этот союз, однако, уже в древнейших памятниках являлся книжным. Поскольку в 14 в. еще употреблялись формы аориста *быхъ*, даже в сочетании с частицей **да**, напр., *И отъ того (добытка моего) всемъ подавахъ ведуцимъ... да быша* (3 л. мн. ч.) *мне указали все добре, нельзя с уверенностью сказать, можно ли сочетание дабы с формой 3-го л. ед. ч. считать уже союзом или еще сочетанием да с аористом* (Б-К 1965, 544). Употребление формы аориста 3 л. мн. ч. имело место вплоть до 17 в. (см. Л 525): *Посылаетъ советникамъ своя руце готовы имуще на беззаконие, и повелеваетъ имъ славныя дома в царствующемъ граде Москве запалити огнемъ, да быша людие о своихъ напастехъ имели попечение* (Пов кн Сем Ив Шах). Тот же пример, однако, в Пов кн Ив Мих засвидетельствован с **дабы**, ср. Л 525.

Союз **дабы** был употребителен еще в 19 в., напр. *Друзей поссорить молодых... иль помиришь их заставить, дабы позавтракать втроем.* (Пушк). В современном русском языке он, по мнению Л 525, употребляется главным образом в публицистических стилях.

Кроме союза *дабы* встречались и союзы *абы, аж бы*: *Не дошедшимъ же имъ города Сохачева, и думахуть о взятии его, абы въ землю глубоко не входиле* (Ипат) – *Того богъ не дай, аж бы промъжю нами бои былъ* (Гр 1229 г). Союз *абы* был широко распространен в западнорусских и некоторых других памятниках, употребляется он и в староукраинских, польских и чешских памятниках (ср. Б–К 544).

9. В придаточных цели и намерения мог употребляться также *инфинитив*.

О синтаксических функциях инфинитива в *греч.* и *лат.* яз. ср. Bart 2008, 109–124; о *древнерусском* инфинитиве в свете языков античности ср. Žaža 2009. Здесь лишь несколько наблюдений, относящихся к проблематике нашей статьи. Ср. примеры:

Раздвиже земля уста свои прияти кровь брата твоего (Ипат) – *То се ты со мною целовалъ крестъ ходити нама по одной думе обема* (= чтобы ходить нам обоим по единой думе) (Лавр). Если субъект действия инфинитива выражен дательным, то такое сочетание само передает оппозитивную семантику, вследствие чего союзом в этом типе СпП является только *что*: *И в томъ язъ, Тимошеи Семеновъ, далъ на собя запись, што мни во Пьскове на Рискихъ Нимцахъ того же не пытать...* (Нов гр 1588 г) – *А том есме къ вамъ послали... свои добрыи люди чесныи... и къ всемъ купьцемъ Ризьскимъ, что вамъ дати правда нашему послу чисто, без всякия хитрости* (Полоцк гр 1405 г).

Однако и в этих СпП, в особенности в памятниках более позднего времени, встречается союз *чтобы*: *Помолися о мне, чтобъ мне съ тобою вкупе умереть* (Сказ о ц Ф И) – *А иных домои отпускает и рукописание на них им взимает, чтоб им опять к Москве приполсти, а попу Саве винца привести* (Поп Сав) – *Даждь намъ о семь советъ, чтобы еще отнять у Литовскихъ людей туры и своему воинству помощь и отраду сотворити* (Сказ Авр Пал).

10. Эти конструкции впоследствии вышли из употребления. В современном языке инфинитив закреплен лишь в предложениях, в которых субъект действия инфинитива *тождествен* субъекту глагола-предиката (т. е. в *односубъектных* конструкциях) (*я еду к морю, чтобы отдохнуть*) или в предложениях с субъектом обобщенного значения (*нужно тепло одеться, чтобы не замерзнуть*). Личная форма глагола в таких предложениях неупотребима. В древнерусском языке личная форма употреблялась и в (а) *односубъектных* и (б) *разносубъектных* конструкциях, напр. (а) *И всемъ темъ, кто на устоко моря ходитъ, аж бы налезлъ правду, то напсати...* (Гр 1229 г) – *Голоса такого не имею, чтоб Феба я достойно величал* (Бусл). – (б) *А пишу вамъ се слово того дея, что бы не перестала память*

родителии нашихъ и наша (Дух гр 1353 г). – ...а прикованы были (пушки) все на цепяхъ для того, **чтобы** из Азова казаки на выласкахъ техъ пушекъ не взяли (Азов сид). С другой стороны, инфинитив был употребителен как в односубъектных, так и в разносубъектных конструкциях, см. вышеприведенные примеры.

Для соединения инфинитива с глаголом-предикатом употреблялись еще и другие союзы, напр. **еже, оже, абы** (ср. выше): *Отверзене бо ему беста отъ бога очи сердечней, **оже** печися церковными вещьми и клирики* (Лавр) – *Пристави къ нимъ Олга... **абы** како довести полкъ цель* (Ипат) – *Се рекоша... **абы** имъ како прогнати его* (там же).

11. Сопоставляя в заключение СпП, выражающие стремление и цель в исследуемых нами языках, устанавливаем прежде всего различия между античными языками: в отличие от *латинского* языка, отличающегося «дисциплинированностью» в употреблении наклонений придаточных (они ограничены наличием *конъюнктива презенса и имперфекта*) и в постановке союзов (в основном лишь *ut, ne*), *греческий* язык в одном и в другом направлении является более «развесистым» (содержатся *конъюнктивы, индикатив, оптатив*, имеются союзы *ἵνα /μῆ/, ὅπως /μῆ/, ὥς*), ср. Bart 2008, 45. *Древнерусский* язык до известной степени стоит ближе к греческому: рядом с союзами *чтобы* и *дабы*, которые сохранились до наших дней, находились в нем и другие связующие средства. – Что касается наклонений, преобладающая форма кондиционала, образовавшаяся в результате слияния аориста и формы прош. вр. на -л, напоминает, в свою очередь, скорее состояние в *латинском* языке. – *Инфинитив* в *греческом* языке распространен, в общем, шире, чем в *латинском*: о своеобразии развития его функций в *древнерусских* придаточных цели и волеизъявления ср. в §10.

12. Намерение и цель можно было выражать и с помощью *именных* конструкций (которые, однако, здесь не находились в центре нашего внимания); ср., напр.: *ὑεωρυὸν ἀγαθὸν τῶν νέων φντῶν εἰκὸς πρῶτον ἐπιμελεθῆναι* (Lys) – *de mittendis legatis contendere* (Cs) – *ἐκέλευσε στεφανοῦσθαι πάντας τῶ θεῶ – locum deligere castris* – *Володимеръ Рюриковичъ съ Смоляны... послаша на Торжекъ къ Ярославу о миру* (Сузд) – *Про боярской обиход ржи посеено* (Хоз Мор).

Предлагаемая статья разработана в рамках научно-исследовательской программы „Interdisciplinární výzkum starých jazyků a starších fází jazyků moderních (MSM 0021622435) в исследовательском центре Университета им. Масарика в Брно.

Сокращения имен авторов и произведений:

Cs – Цезарь, Cic – Цицерон, Dem – Демосфен, Lys – Лисий, Ph – Федр, Pl – Платон, Soph – Софокл, Thuc – Фукидид, Xen – Ксенофонт
 Азов сид – Повесть об Азовском сидении; Бусл – Ф. И. Буслаев; Грам 1229 – Грамота 1229 г.; Грам 14 в – Грамота 14 в.; Грам Молд воев Петр 1388 г – Грамота молдавского воеводы Петра польскому королю Владиславу; Дух гр 1353 г – Московская духовная грамота 1353 г.; Ипат – Ипатьевская летопись; Кипр м посл Пск дух д 1395 г – Грамота митр. Киприана псковскому духовенству; Котош – Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича; Лавр – Летопись по Лаврентиевскому списку; НБГ – Новгородские грамоты на бересте; Нест Бор Гл 14–15 в – Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба; Новг гр 1588 г – Новгородская грамота 1588 г.; Пов кн Ив Мих – Повесть князя Ивана Михайловича Катгырева-Ростовского; Пов кн Сем Ив Шах – Повесть князя Семена Ивановича Шаховского; Пов о прихож – Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков 16 в; Полоцк гр 1405 г – Полоцкая грамота 1405 г.; Поп Сав – Сказание о попе Савве; Псков 1 – Псковская первая летопись; Пушк – А. С. Пушкин; РИБ –Русская историческа библиотека; Рус драм произв – Русские драматические произведения 1874; Сказ Авр Пал – Авраамий Палицин. Сказание об осаде Троицко-Сергиева монастыря; Сказ о ц Ф И – Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича; Сузд – Суздальская летопись; Хоз Мор – Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова; Ярл Менг Тим 1267 г – Ярлык хана Менгу Тимура 1267 г.

Использованная литература:

- BARTONĚK, A. (Bart): *Řecko-latinská syntax v evropském kontextu*. Brno, MU, 2008. 219 с ISBN 978-80-210-4679-5.
- BAUER, J.: Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovanských jazyků. In: *Syntactica Slavica*, Brno, UJEP, 1972, 47–67.
- KIECKERS, E.: *Historische griechische Grammatik IV. Syntax; 2. Teil*. Berlin, de Gruyter, 1926.
- MENGE, H.: *Lehrbuch der lateinischen Syntax und Semantik*. Darmstadt, 2000.
- MENGE, H.: *Repetitorium der griechischen Syntax*. Wolfenbüttel, Kallmayer, 1999.
- MRÁZEK, R. – POPOVA, G. V.: *Historický vývoj ruštiny*. Praha, SPN, 1964.
- MUCHNOVÁ, D. (Muchn): *Syntax klasické řečtiny I. Vedlejší věty*. Praha, 2004.
- NIEDERLE, J. – NIEDERLE, V. – VARCL, L. (Nied): *Mluvnice řeckého jazyka*. Praha, SPN, 1984.
- NOVOTNÝ, F. (Nov): *Historická mluvnice latinského jazyka 2*. Praha, ČSAV, 1955.
- PRAŽÁK, J. M. – NOVOTNÝ, F. – SEDLÁČEK, J.: *Latinsko-český slovník*. Přebac. F. Novotný. Praha, ČGU, 1948¹⁶, 1425 с.

- Příruční mluvnice ruštiny (PMR) (сост. J. Bauer, R. Mrázek, S. Žaža). Praha 1979³.
- QUITT, Z. – KUCHARSKÝ, P. (Q): *Latinská mluvnice*. Praha, 1972.
- RIX, H.: *Historische Grammatik des Griechischen*. Darmstadt, 1976.
- SCHWYZER, E.: *Griechische Grammatik 2, Syntax und syntaktische Stilistik*; ed. A. Debrunner. München, Beck, 1988⁵. ISBN 3-406-01341-4.
- SMYTH, H. W.: *Greek Grammar*. Harvard University Press, 2002.
- Staroruská čítanka* (сост. V. Blažek, E. Fojtíková, S. Mathauserová, O. Kovačičová). Praha, SPN, 1989. 607 s. ISBN 80-04-21709-5.
- TOURATIER, Ch.: *Syntaxe Latine*. Leuven, 1994.
- VEČERKA, R. (сотр. F. Keller, E. Weber): *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax 2*. In: *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*. B. 24, Freiburg i. Br., Weiher, 1993. ISBN 3-921940-26-5.
- WITKOWSKI, S.: *Historyczna składnia grecka na tle porównawczem*. Lwów, Mianowski, 1936.
- WOODCOCK, E. C.: *A new Latin syntax*. London, 2002.
- БОРКОВСКИЙ, В. И. – КУЗНЕЦОВ, П. С. (Б–К): *Историческая грамматика русского языка*. Москва, «Наука», 1965².
- Грамматика русского языка 2/2 (ГРЯ)* (под ред. В. В. Виноградова и Е. С. Истриной), Москва, АН СССР, 1960².
- ДВОРЕЦКИЙ, И. Х.: *Древнегреческо-русский словарь 1, 2*. Москва, ГИИНС, 1958. 1904 с.
- ЗОЛОТОВА, Г. А.: *Синтаксический словарь*. Москва, «Наука», 1988. ISBN 5-02-010856-1.
- ЛОМТЕВ, Т. П. (Л): *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. Москва, МГУ, 1956.
- ОБНОРСКИЙ, С. П.: *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*. Москва-Ленинград, АН СССР, 1946.
- ПОТЕБНЯ, А. А.: *Из записок по русской грамматике 1, 2*. Москва, Учпедгиз РСФСР, 1958.
- Русская грамматика 2*. (РГ) (сост. В. Барнетова, Е. Беличова, О. Лешка, З. Скоумалова, В. Стракова). Прага, Academia, 1979.
- Русская грамматика 2*. (РГ) (гл. ред. Н. Ю. Шведова), Москва, «Наука», 1980.
- Русская грамматика* (РГ) (под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина). Москва, «Русский язык», 1990.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И.: *Материалы для словаря древнерусского языка 1–3*. По изд. 1903–1912 г. Москва, ГИИНС, 1958. 5249 с.

PODŘADNÉ SOUVĚTÍ S VEDLEJŠÍMI VĚTAMI SNAHOVÝMI A ÚČELOVÝMI V ANTICKÝCH JAZYCÍCH A VE STARÉ RUŠTINĚ

V článku se v zásadě přidružujeme členění podřadného souvětí na vedlejší věty obsahové, vztažné a příslovečné. Z vět obsahových nás pak zajímají věty snahové, z příslovečných pak věty účelové. (Stranou našeho zájmu zůstaly varianty prvních – věty zabraňovací – a druhých – věty obavné.) Snahové a účelové věty jsou si významově vzájemně blízké a zaměňovaly se často jak v někdejším praktickém úzu, tak i donedávna v didaktické klasifikaci – označovaly se jako *věty účelové*.

Pokusíme-li se o srovnání toho, jakou podobu mají oba typy vět v námi sledovaných jazycích, konstatujeme nejprve rozdíly mezi oběma antickými jazyky. Latina se vyznačuje „ukázněností“ v užití způsobů v obou typech vedlejších vět (jsou omezeny na *konjunktiv prézenta a imperfekta*) i v kladení spojek (jde o *ut, ne*). Řečtina byla naproti tomu v obou směrech „košatější“ (kladou se zde *konjunktivy, indikativ, optativ*, spojky *ἵνα [μὴ], ὅπως [μὴ]*), *ὥς*, srov. Bart 2008, 45). Stará ruština v některých směrech stála blíže řečtině: vyskytoval se zde původně větší počet spojek, zachovalo se však jen *чтобы* (do 19. stol. i *дабы*). Pokud jde o způsob predikátu vedlejší věty, připomíná převažující tvar kondicionálu, vzniklý spojením aoristu a préterita na *-l*, spíše stav v latině. – Svérázný je ve staré ruštině vývoj užití infinitivu, bližšího svou frekvencí zase spíše řečtině. Z volného užití po spojce *чтобы* se do současnosti ustálil infinitiv jen v tautoagentních (tautosubjektových) souvětích a v konstrukcích se všeobecným podmětem.